

Одержимость! Я знаю Веронику Дударову давно. Помню ее еще в консерваторские годы обращающей на себя броской внешностью южанки внимание буквально каждого, на редкость женственной, хрупкой, изящной и вместе с тем по-мужски решительной, всегда куда-то устремленной, спешащей, озабоченной, с неизменной тяжелой ношей в охапке — партитурами или клавирами, добытыми в библиотеке (как теперь я догадываюсь, материалами для будущих ее концертных программ).

И в творчестве — неукротимый волевой напор чувств и беспредельная мягкость, нежность. То за пультом железный диктатор, то ласковый, вкрадчивый друг, утешитель. Порой импровизационность музыкального мышления сменяют академичная размеренность, точность. Разная она — в зависимости от стиля, характера, содержания исполняемого произведения. Неизменно лишь одно — предельное уважение к авторскому тексту, — святое следование композиторскому замыслу: никаких домислов, «дописок», самовольных «переделок», как это любят иные исполнители, стараясь таким образом продемонстрировать оригинальность, самобытность трактовки.

Вероника Борисовна завоевывает слушательские симпатии другим: непосредственностью и яркостью высказывания, искренностью и чистотой чувств. Довольно быстро и весьма убедительно Дударовой удалось доказать полное женское равноправие и в этой области творческой деятельности, заставив и нашу, и мировую прессу не делать ни малейших скидок на «слабую половину» человечества. Наверное, потому, что основной жизненный закон ее, волевой закон: «хочу — значит могу!». Он давал и дает творческие заряды, импульсы в постоянном овладении новыми и новыми художественными задачами. В самом деле, и не придумаешь, кто бы другой подобно ей смог из ничего сделать все: еще совсем молодой, не имеющей опыта, Вероника Борисовна стала за пульт развалившегося по всем швам оркестра (Московской областной филармонии), возглавила его не только как дирижер, но и как художественный руководитель, довольно быстро довела его до «кондиции», до того состояния, когда его признали достойным звания Московского

В этой лаконичной характеристике миссии дирижера симфонического оркестра, сформулированной едва ли не единственным представителем женского пола в одной из самых «мужских» профессий — Вероникой Дударовой — четкая позиция художника: и суровость судьи, и осознание собственной ответственности за назначенную себе судьбу, и неумная одержимость в стремлении оплатить взятый на себя долг.

ПОЧЕРК МАСТЕРА

«ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ»

государственного симфонического оркестра. (Увы, бывшая слава оркестра поприухла сегодня, точнее, с той поры, когда дирижер расстался с этим коллективом.)

А ведь если вдуматься, безусловно, музыкантского таланта, отличного слуха, выразительного жеста, эрудиции, наконец, воли, культуры — всего, чем в достатке обладает Вероника Дударова, было бы мало, чтобы сплотить на многие годы исполнителей-единомышленников, заставить себе поверить, понять и разделить художественные принципы и идеалы. Едва ли не главную роль здесь сыграли организаторские способности и дар воспитателя.

— Я влюблена в свою профессию, точнее, в то, чему посвятила себя, — говорит Вероника Борисовна. — Потому что, по моему, дирижер не профессия, а способ существования. Я с детства видела себя дирижером и именно симфонического оркестра. Такие картины рисовались в воображении! И когда еще училась в Бакинской музыкальной школе, и когда занималась у Павла Алексеевича Серебрякова в Ленинградском музыкальном училище. Кстати, мне посчастливилось бывать на репетициях у Евгения Александровича Мравинского, где я, ко всем моим знаниям и «образованиям», полученным в Московской консерватории у дирижеров Лео Мордцевича Гинзбурга и Николая Павловича Аносова, проходила не только высшую школу дирижерского мастерства, а академию, училась общению

с оркестрантами, почерпнула главные принципы в отношениях с ними — не просто как с «выполнителями» воли дирижера, а как с его сотворцами.

Вот откуда магическая сила, всегда объединяющая дударовский многоликий коллектив, сила, заставляющая верить своему руководителю и в своего руководителя. Я абсолютно убеждена, именно непрерываемость авторитета этого музыканта прежде всего позволила создать сейчас, в наши дни развала и огромных потерь новый коллектив — «Симфонический оркестр России», который возглавила Вероника Дударова. Для нынешних времен презентация оркестра, состоявшаяся три недели назад, — событие весьма знаменательное. Мы уже разучились особенно на фронте культуры радоваться открытиям, поздравлять с успехами, замечать новое.

— Что представляет собой этот новый оркестр?

— Ко мне пришли многие хорошие музыканты из Москвы и из других городов страны. У нас ведь есть пока еще прекрасные кадры — и опытные музыканты, и талантливая молодежь. В нашем составе много лауреатов и дипломантов всесоюзных конкурсов исполнителей. Будете слушать, обратите внимание на медную группу и ударную, да и деревянные духовые не уступают им. Несколько сложнее со струнниками: здесь у меня и опытные исполнители, и молодежь, а концертмейстер скрипачей совсем юное существо. Я ведь никогда не боюсь работать с молодежью, наоборот,

люблю учить и сама при этом учусь.

Знаменательно, что первая страница творческой биографии «Симфонического оркестра России» — дневной концерт для школьников. В его программе прозвучала русская из русских Первая симфония Каллинникова и рахманиновские Фантазия на темы Паганини и Каприччио на цыганские темы. Просветительской деятельности Дударова всегда уделяла внимание. Ее циклы детских симфонических программ, проводившихся в сотрудничестве с постоянным партнером — опытным лектором Ж. Дозорцевой, прославились успехом. Так что начало жизни нового оркестра с дневной программы для детей отнюдь не случайно. И как всегда у Дударовой, четкая выверенность оркестрового баланса, ясность формы, высокий поэтический накал, эмоциональная наполненность в «разговоре» музыкантов с аудиторией волновали, заражали слушателей.

— Для меня симфонический концерт — своего рода «театральное зрелище», звуковой «спектакль» с множеством планов, сложной драматургией, развитием разных «сюжетных» линий, контрастных, борющихся друг с другом; с кульминационными взлетами и спадами. И задача дирижера — выявить эту структуру не схематично, а эмоционально наполненно, зажечь своими чувствами и коллег-оркестрантов, и непременно аудиторию. Только тогда можно заставить слушать и слышать музыку. Мне никогда непонятен страх «непросве-

щенных» людей перед симфоническими жанрами, боязнь посетить концерт оркестра. Симфонический концерт — весьма растяжимое понятие — одно дело «чистая» симфония, другое — поэма, сюита, фантазия, рапсодия и так далее, тому подобное. Безусловно, приобщая к «серьезной» музыке, очень опасно начинать с крупной формы — можно отвратить навсегда! Однако постоянно помнить, думать, заботиться о том, чтобы предельно расширить круг почитателей истинно прекрасного искусства, способного раскрывать самое глубокое чувство, которое всегда остается с человеком, — чувство любви, возвышающее, облагораживающее, — наш прямой долг. Я отнюдь не против массовой культуры, да от нее и невозможно уйти: Я не отрицаю рок, поп-музыку. Я против осквернения вкусов и нравов, против оглушения людей. В каждом из жанров есть позитивные и негативные начала, есть положительные и отрицательные стороны. И мне представляется, самая большая опасность в том, что утратились критерии в оценке дозволенного, допустимого, приличествующего цивилизованному обществу. Признаюсь, меня очень пугает, что всемогущее (с точки зрения массовости охвата аудитории) телевидение заполонила сейчас именно массовая культура. Ее безумно много в программах. В том бурном потоке, который низвергается с экрана, не остается места ничему другому. И нет возможности неподготовленному человеку «отсортировать» ценное и ненужное, разобраться, что хорошо, что плохо. Я осознаю, что повторю несколько тривиальных истины, и все же разрешу себе это сделать: без прекрасного нет человека, а есть лишь человекоподобие. Сила искусства — возрождать людей, духовно возрождать. Сегодня проблема номер один — использовать эту силу в полной мере. Я потратила массу энергии, опыта, знаний на музицирование для подрастающего поколения. Буду со всей неистовостью продолжать это и тщу себя надеждой, что чего-то добьюсь. Во всяком случае, если я кого-то воспитала, духовно возродила, помогла какому-то людям почувствовать себя людьми, могу считать, что жизнь моя не проходит даром.

М. ИГНАТЬЕВА.
Фото В. Генде-Ротте.